

DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-3-131-141
УДК 811.112.2Дата: поступления статьи / Submitted: 02.05.2020
после рецензирования / Revised: 24.06.2020
принятия статьи / Accepted: 28.08.2020

Научная статья / Scientific article

У.А. НебеснюкРоссийский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская ФедерацияE-mail: uljanasgutikd@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-2132>

Этнокультурный немецкий текст «Kalendergeschichte»: прототипические особенности композиционно-сюжетной организации текстовой структуры

Аннотация: Для лингвистов XXI века, занимающихся вопросами типологии текстов, особый интерес представляют типы текста, недостаточно изученные с лингвистических позиций. К ним можно отнести немецкоязычные «календарные истории», развившиеся из «календаря» как зарождающегося средства массовой информации в этнокультуре Германии. Занимательные историко-сатирические рассказы сентенциального характера вышли за рамки календаря в начале XIX века и образовали самостоятельный литературный жанр «календарная история» (нем. Kalendergeschichte). С целью выявления прототипических особенностей композиционно-структурной организации данного типа текста автором статьи проводится анализ календарных историй из сборника И.П. Хебеля «Сокровищница рейнского друга дома» (Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes). В результате сквозного анализа текстов сборника установлено, что в основе «календарной истории» как особого типа этнокультурного немецкого текста лежит композиционно-речевая форма «повествование», лаконизм текстовой актуализации которой позволяет отнести исследуемый тип текста к малым эпическим жанрам. Литературно-художественный нарратив «календарной истории» отличается наличием единой сюжетной линии, четкой структурно-композиционной организацией текстового целого с прагматическим фокусированием трех «сильных позиций» текста – заглавия, начала и конца. Типичным для «сильной позиции» заголовка является сообщение информации об основном виде деятельности главного героя, характере сюжетного события и месте его действия. К основным видам композиционно-смыслового оформления начальных позиций «календарной истории» относятся, кроме того, экспозиция, авторская ремарка и завязка. Важную композиционную роль в этом типе текста играют анализируемые в статье три типа конечных позиций текста: пуанта, развязка после пуанты и морализаторская авторская ремарка, которая может представлять собой заключительный акт календарной истории, общий совет для практического применения, пространное рассуждение на морально-нравственную тему.

Ключевые слова: тип текста, календарная история, Kalendergeschichte, И.П. Хебель, композиционно-сюжетная организация, заглавие, начало, конец, пуанта, авторская ремарка, немецкий язык.

Цитирование. Небеснюк У.А. Этнокультурный немецкий текст «Kalendergeschichte»: прототипические особенности композиционно-сюжетной организации текстовой структуры // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 3. С. 131–141. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-3-131-141>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

U.A. Nebesnyuk

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: uljanasgutikd@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5389-2132>

Ethnocultural German text «Kalendergeschichte»: prototypical features of the composition and plot organization of the text structure

Abstract: Linguists of the 21st century are actively engaged in the typology of texts. Text types that are insufficiently studied from a linguistic point of view are of special interest to them. These text types include «calendar stories» developed from a «calendar» as a mass media in the ethnic culture of Germany. Entertaining historical and satirical stories of a sentential nature went beyond the calendar at the beginning of the 19th century and formed an independent literary genre «calendar story» (ger. «Kalendergeschichte»). In order to identify the prototypical features of the compositional and structural organization of this text type, the author analyzes the calendar stories of the collection «Treasure house of the Rhenish friend of the house» («Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes») of J.P. Hebel. As a result of cross-cutting analysis it was determined that the «calendar story» as a special type of ethnocultural German text has the main features of the compositional-speech form «narration», its conciseness. This allows us to refer the text type under study to literary narrative, small epic genres, which are characterized with a single story line and a clear structural and compositional organization of the text as a whole. In the composition and plot construction of the calendar stories three «strong positions» of the text were highlighted – a title, a beginning and an ending. Information about a main activity of a main character, nature of an event and place of its action has been recognized as dominating in the titles of the «stories from the calendar». The main types of compositional and semantic design of initial positions of the text include: an exposition, an author's remark and a plot. In relation to the ending of the calendar stories, the author identifies three types of final positions of the text: a pointe, a denouement after a pointe, and a moralizing author's remark, which can be a final act of the calendar story, general advice for practical application, and a lengthy discussion on a moral topic.

Key words: text type, calendar story, Kalendergeschichte, J.P. Hebel, composition and plot organization, title, beginning, ending, pointe, author's remark, German.

Citation. Nebesnyuk U.A. Ethnocultural German text «Kalendergeschichte»: prototypical features of the composition and plot organization of the text structure. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2020, vol. 26, no. 3, pp. 131–141X. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-3-131-141>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Ульяна Александровна Небеснюк – аспирант, кафедра немецкой филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

© Ulyana A. Nebesnyuk – postgraduate student, Department of German Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Embankment of the Moika River, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation.

Введение

Для современных лингвистов, сферу научной деятельности которых составляют вопросы типологии текстов, особый интерес представляют мало или совсем не изученные с лингвистических позиций типы текста. К таким типам текста можно отнести этнокультурный немецкий текст «календарная история» (нем. *Kalendergeschichte*).

До настоящего времени комплексного лингвистического исследования календарных историй как особого типа текста отечественными лингвистами не проводилось. Отдельные вопросы в рамках исследуемой темы становились предметом научных изысканий зарубежных исследователей. В частности, Л. Ронер посвятил свою работу изучению «календарной истории» как части календаря [Rohner 1978], Я. Кнопф занимался вопросами жанровой принадлежности «календарной истории», выявлением ее отличительных признаков [Knopf 1983], Р. Кильхенманн в сборнике календарных историй различных немецких авторов обратила внимание на происхождение, развитие и формы «календарной истории» [Kilchenmann 1970]. В связи с этим целью данного исследования является комплексное изучение текстов календарных историй на примере сочинений из сборника И.П. Хебеля «Сокровищница рейнского друга дома» (*Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes*), которое позволит выявить прототипические особенности композиционно-структурной организации «календарной истории» (нем. *Kalendergeschichte*) как особого типа этнокультурного немецкого текста.

Основная часть

Становление типа текста «календарная история» (нем. *Kalendergeschichte*) неразрывно связано с историей развития «календаря» как кумулятивного текста массовой информации, представленного в этнокультуре Германии середины XV – начала XIX века [Небеснюк 2019]. Превратившись из поучительно-развлекательной части «календаря» в самостоятельный тип текста, «календарная история» сохранила основные характерные черты зарождающихся средств массовой информации: историчность/историографичность, диалогическую открытость, популярность, доступность (для низших социальных слоев общества) и назидательность [Knopf 1983, S. 22–26].

Историчность календаря проявлялась в текстовой функции «считать» и «упорядочивать время», а его тенденция к историографичности – в сохранении воспоминаний о прошлых событиях посредством записей, в том числе документальных. Данные черты, унаследованные рассматриваемым типом текста от «календаря», проявляются в способности «календарной истории» изображать с высокой долей вероятности ход исторических событий в их хронологической последовательности. В качестве примера историй хроникального типа могут послужить истории Иоганна Петера Хебеля (1760–1826) в *Unglück der Stadt Leiden* (рус. «Несчастье города Лейден») и *Schreckliche Unglücksfälle in der Schweiz* (рус. «Ужасная трагедия в Швейцарии»), основанные на реальных минувших событиях: катастрофе – взрыве баржи с порохом в центре города Лейден (Нидерланды) 12 января 1807 года; трагических последствиях схода лавин в горных кантонах Швейцарии (Берн, Гларус, Ури, Швиц, Граубюнден) ночью 12 декабря 1808 года.

Воспоминания о прошлых событиях сохранялись и передавались, как правило, в прозаической форме, реже в стиховой форме: истории И.П. Хебеля *Abendlied* (рус. «Вечерняя песня»), *Sommerlied* (рус. «Летняя песня»). Вне зависимости от формы организации художественной речи – прозаической или стихотворной – авторы календарных историй создавали сюжетную композицию своих произведений в традиционной форме аукториального «повествования», или «повествования о третьем лице» [Андреева 2019, с. 57], с неограниченной, или всеобъемлющей, повествовательной перспективой.

Рассмотрим в качестве примера календарную историю И. П. Хебеля *Denkwürdigkeiten aus dem Morgenlande* («Записки с Ближнего Востока»), для которой характерны основные признаки недиетического аукториального «повествования» (сюжетность, событийность, акциональность, временная последовательность событий и действий) и типичные языковые средства для реализации этих признаков [Гончарова, Шишкина 2005, с. 154–168]:

Denkwürdigkeiten aus dem Morgenlande

In der Türkei, wo es bisweilen etwas ungerade hergehen soll, trieb ein reicher und vornehmer Mann einen Armen, der ihn um eine Wohltat anflehte, mit

Scheltworten und Schlägen von sich ab, und als er ihn nicht mehr erreichen konnte, warf er ihn noch mit einem Stein. Die es sahen, verdross es, aber niemand konnte erraten, warum der arme Mann den Stein aufhob und, ohne ein Wort zu sagen, in die Tasche steckte, und niemand dachte daran, dass er ihn von nun an so bei sich tragen würde. Aber das tat er.

Nach Jahr und Tag hatte der reiche Mann ein Unglück, nämlich er verübte einen Spitzbubenstreich, und wurde deswegen nicht nur seines Vermögens verlustig, sondern er musste auch nach dortiger Sitte zur Schau und Schande, rückwärts auf einen Esel gesetzt, durch die Stadt reiten. An Spott und Schimpf fehlte es nicht, und der Mann mit dem rätselhaften Stein in der Tasche stand unter den Zuschauern eben auch da, und erkannte seinen Beleidiger. Jetzt fuhr er schnell mit der Hand in die Tasche; jetzt griff er nach dem Stein; jetzt hob er ihn schon in die Höhe, um ihn wieder nach seinem Beleidiger zu werfen, und wie von einem guten Geist gewarnt, ließ er ihn wieder fallen und ging mit einem bewegten Gesicht davon.

Daraus kann man lernen: Erstens, man soll im Glück nicht übermütig, nicht unfreundlich und beleidigend gegen geringe und arme Menschen sein. Denn es kann vor Nacht leicht anders werden, als es am frühen Morgen war, und «wer dir als Freund nichts nutzen kann, der kann vielleicht als Feind dir schaden». Zweitens, man soll seinem Feind keinen Stein in der Tasche und keine Rache im Herzen nachtragen. Denn als der arme Mann den seinen auf die Erde fallen ließ und davonging, sprach er zu sich selber so: «Rache an dem Feind auszuüben, so lange er reich und glücklich war, das war töricht und gefährlich; jetzt wo er unglücklich ist, wäre es unmenschlich und schändlich» (Hebel 2010, S. 20–21).

Произведение носит ярко выраженный поучительный характер. Его целью является демонстрация основных христианских добродетелей – прощения и долготерпения. В роли главных действующих лиц выступают богатый, знатный господин (ein reicher und vornehmer Mann) и бедняк (ein Armer), попросивший у него милостыню. События разворачиваются в Турции (in der Türkei, in der Stadt), между первым и вторым действием проходит несколько лет (nach Jahr und Tag). Названные текстовые единицы выступают в функции элементов сюжетодвижения.

Повествование строится на двух единичных сюжетных событиях, каждое из которых маркируется соответствующими обстоятельством времени, указывающими на определенный момент действия в прошлом. В частности, на момент происшествия первого события указывает темпоральный союз *als* в придаточном предложении первого абзаца, лингвистическими маркерами второго события являются словосочетание *nach Jahr und Tag* и трижды повторяющееся наречие *jetzt* во втором абзаце, образующее в предложении анафору и способствующее в совокупности с последовательно расположенными акциональными глагола-

ми перерастанию сюжетного напряжения в кульминацию действий (*fuhr, griff, hob*).

Изображение событийных ситуаций в сюжетной динамике определяет акциональный характер всего повествования, то есть показ конкретных действий персонажей. Ведущую роль в актуализации акциональности играют глаголы движения/действия: *abtreiben, werfen, aufheben, stecken, fahren, greifen, heben, fallen, davongehen* и др.; речемыслительного и эмоционального действия: *erraten, denken, erkennen*. Большинство названных глаголов представляют собой в функциональной перспективе текста акциональную рематическую доминанту (отдельных предложений-высказываний).

Временной формой глаголов в сказуемых в первых двух абзацах является претерит. Наряду с классической временной формой эпического повествования «последовательно-временную связь» [Брандес 2004, с. 79] событий и действий в тексте обеспечивают вышеупомянутые темпоральные словосочетания и наречия, а также логико-семантическая соотнесенность и взаимозависимость следующих друг за другом глаголов: *fahren, greifen, heben, fallen, davongehen*.

Третий абзац произведения представляет собой внесюжетный композиционный элемент повествования – резюмирующую авторскую ремарку, вводимую словами: *Daraus kann man lernen...* – и структурируемую порядковыми наречными числительными *erstens, zweitens*, которая содержит заключительный нравоучительный вывод. Авторское обращение к читателю сопровождается сменной времени повествования (переход от претерита к презенсу и обратно к претериту) и характера персональности: в первых двух абзацах повествование ведется от лица аукториального рассказчика, в последнем абзаце повествователь с помощью неопределенно-личного местоимения *man* с нулевым локальным показателем идентифицирует себя с читателем (*man soll*), а затем в первоначальной, характерной для «всезнающего» повествователя, форме «отстраненного» третьего лица вводит в композицию текста прямую речь главного персонажа (типизированного образа бедного, но благородного человека), содержащую морализаторское суждение.

Форма эпического повествования от третьего лица в первых двух частях произведения позволяет автору дистанцироваться от происходящего и описать события в логике нарратива, то есть как фиктивную историю с началом и концом. Заключительная часть текста, «мораль истории», содержит пространственный поучительный вывод, сформулированный нарратором с опорой на прямое высказывание-рассуждение (положительно) героя истории: *Rache an dem Feind auszuüben, so lange er reich und glücklich war, das war töricht und gefährlich; jetzt wo er unglücklich ist, wäre es unmenschlich und schändlich*. Эти слова дополняют общую текстовую сентенцию религиозно-

поучительного характера [Kilchenmann 1970, S. 19]: не следует истинному христианину быть высокомерным, недружелюбным, жестоким по отношению к людям низшего сословия и достатка и мстительным по отношению к своим врагам (нем. ...man soll im Glück nicht übermütig, nicht unfreundlich und beleidigend gegen geringe und arme Menschen sein. ...man soll seinem Feind keinen Stein in der Tasche und keine Rache im Herzen nachtragen). Тем самым назидательно-дидактическая функция календарной истории реализуется в полном объеме за счет композиционно-смыслового взаимодействия речевых планов нарратора и героя. Повествование «всеведущего и вездесущего нарратора» [Шмид 2003, с. 70] о событиях минувших дней в их пластической объемности, пространственно-временной протяженности и событийной насыщенности придает тексту «календарной истории» эпический характер, поучительное обращение автора к читателю с сигналами персональной идентификации с ним в финале произведения свидетельствует о его лирической составляющей, дополненной драматическим компонентом (прямой речью персонажа).

Присущая «календарной истории» лаконичность повествовательной формы обусловлена прежде всего источником ее происхождения (первоначально истории печатались на обратных листках календаря), имеющего ограниченное текстовое пространство (малоформатные тексты). Этот признак исследуемого типа текста позволяет отнести его, наряду с историческим анекдотом, шванком и коротким рассказом, к малым эпическим жанрам, отличающимся небольшим текстовым объемом, ограниченным количеством действующих лиц, единой сюжетной линией и более или менее стандартной структурно-композиционной организацией текстового целого.

В композиционно-структурной организации календарных историй можно выделить в качестве их обязательных текстовых позиций заглавие, начало (авторская ремарка/экспозиция/завязка) и конец (пуанта/развязка/авторская ремарка). Заглавие как первый источник нарративной информации сообщает в концентрированной словесно-речевой форме основную идею текста, называет его героев или очерчивает сюжетную фабулу и настраивает читателя на восприятие текста.

В отличие от исторических анекдотов, в заголовках проанализированных календарных историй И.П. Хебеля редко встречались номинации героев в форме их имен собственных: Jakob Hummel, Franz Ignaz Narocki, Andreas Hofer. В большинстве случаев герои обозначаются указательными местоимениями или нарицательными именами с обобщенно-личной семантикой: Der kann Deutsch, Der fremde Herr, Das fremde Kind. Автор-рассказчика больше интересуют социальная и акциональная роли главного героя, чем его имя, поэтому в названиях историй часто указываются

профессия, ремесло, статус или основной вид деятельности героя на момент описываемых событий: Pilgrim, Wasserläufer, Schildwache, Rekrut, Kriegsgefangener. Социально-статусная характеристика действующего лица в заголовке дополняется посредством различных атрибутов, самыми распространенными из которых являются прилагательные функционально-семантического поля «хитрый»: klug – schlau – listig – sinnreich – vorsichtig – verwegen – honett: der kluge Sultan/Richter; der schlaue Husar/Pilgrim/Mann, das schlaue Mädchen; der listige Kaufherr/Quäker/Steiermarker; der sinnreiche Bettler; der vorsichtige Träumer; der verwegene Hofnarr; zwei honette Kaufleute.

Значительно реже номинаций живых существ с определенным статусом и положением в обществе в названиях календарных историй используются лексические обозначения предметов, вещей (Der silberne Löffel, Die Tabaksdose), которые могут рассматриваться как метонимический словесно-художественный образ текста. Достаточно часто в заголовках встречаются названия происшествий, сюжетов или событий, о которых далее пойдет речь: Lange Kriegsfuhr, Tod vor Schrecken, Unverhofftes Wiedersehen, Wie einmal ein schönes Roß um fünf Prügel feil gewesen ist. Неодушевленные предметы, процессы и явления характеризуются дополнительно эпитетами из сферы торговли и торговых отношений: Das wohlbezahlte Gespenst, Das wohlfeile Mittagessen; Teure Eier, Schlechter Gewinn; Böser Markt; Einträglicher Rätselhandel; Brotlose Kunst; Vereitelte Rachsucht; Der falsche Edelstein.

Привычным для заголовков календарных историй у И.П. Хебеля является указание на место сюжетного события посредством топонимов: Kopenhagen, Paris, Hersfeld, Memel, Mayland, Segringen, Neisse, Brienne. Менее типично упоминание дат, используемых – по типу календаря – исключительно перед хроникальными заметками: Brassenhaimer Siegesnachrichten vom Jahre 1813 (рус. «Брасенхаймские известия о “победе“ 1813 года»).

Типичной лексико-синтаксической схемой заголовка «календарной истории» можно считать лексико-грамматическую секвенцию «определенный артикль – прилагательное – существительное»: Der kluge Richter, Der schlaue Mann. Реже вместо определенного артикля в модели представлен неопределенный артикль (Ein gutes Rezept, Eine sonderbare Wirtszeche) или артикль опущен (Gute Antwort, Seltene Liebe). Примером классического названия календарной истории служит заголовок Der kluge Sultan (рус. «Умный султан»), в котором определенный артикль указывает на социальный тип главного героя – «умного правителя».

В отдельных случаях существительные в названиях календарных историй И.П. Хебеля – по образцу естественнонаучных трудов – стоят во множественном числе: Die Cometen, Die Planeten, Die Spinnen или представляют собой «свернутое»

предложение: Kannitverstan (рус. Каннитферштан) – Ich kann Euch nicht verstehen (нидерл. Ik kan niet verstaan, рус. «Я Вас не понимаю»). В свою очередь, в неполных предложениях с опущенной главной частью сложноподчиненного предложения просматривается сказовый характер и угадывается эллиптическое начало последующего текста Geschichte darüber/davon, wie... (рус. «История о том, как...»): Wie der Zundelfrieder eines Tages aus dem Zuchthaus entwich und glücklich über die Grenze entkam (рус. «История о том, как Цундельфридер бежал из тюрьмы и благополучно пересек границу»), Wie der Zundelfrieder und sein Bruder dem roten Dieter abermal einen Streich spielen (рус. «История о том, как Цундельфридер и его брат разыграли красного Дитера»).

Вторая композиционно-структурная опорная точка текста для прогнозирования читателем наиболее вероятной стратегии развития действия «календарной истории» – его начало. Можно выделить следующие виды композиционно-смыслового оформления начальных позиций текста календарных историй И.П. Хебеля: 1) экспозицию, 2) авторскую ремарку и 3) завязку. Отметим, что все истории, включая истории, начинающиеся с авторской ремарки или – без лирического отступления – с центрального эпизода фабулы, уже в первом предложении с разной степенью точности вводят информацию о времени и месте действия, его участниках.

Наиболее полно моделирующая функция начальной позиции текста реализуется в нарративной экспозиции, предшествующей завязке сюжетного действия и содержащей исходные сведения об обстоятельствах описываемого в литературном произведении события, т. е. темпоральные, локальные и персональные характеристики текста. Для введения темпоральных координат изображаемого автором обычно используется временная глагольная форма претерита, реже плюсквамперфекта. Эпический претерит придает календарной истории форму нарратива, указывает на незавершенность изображаемого действия, его типичность, повторяемость. Плюсквамперфект в сочетании с претеритом выражает предшествование по отношению к действию в прошлом: Zwei Schiffer fuhren frühmorgens den Strom herab, und der Tag war schon ins enge, stille Tal gekommen, als sie an der hohen Felsenwand, genannt die Riesenmauer, vorbeifahren wollten (Hebel Eine seltsame...).

Наряду с грамматической формой выражения категории времени И.П. Хебель активно использует лексические средства репрезентации темпоральности – точные даты и приблизительные временные данные – наречия и словосочетания, указывающие на время действия. Но точные темпоральные данные приводятся автором нечасто, служа преимущественно для придания достоверности происходящему: im Jahre 1734, im Jahr 1795, im Jahre 1796, im Spätjahr 1813. Значительно чаще

в календарных историях фигурируют приблизительные обозначения времени, создающие впечатление амбивалентности хронотопа: vor einigen Jahren, vor dem leidigen Krieg, an einem schönen Sommerabend, многократное eines Tages. Особый интерес представляют примеры непрямого, описательного обозначения временных рамок историй, в которых автор отказывается от точных дат и темпоральных словосочетаний, позволяя читателю самому определить время начала или окончания исторического события: Als der letzte König von Polen noch regierte; als im Dreissigjährigen Krieg der Schwed am Rhein war, als der Rhein auf jener Seite von französischen Schildwachen, auf dieser Seite von schwäbischen Kreissoldaten besetzt war.

Примечательно, что точные обозначения места события в экспозициях календарных историй приводятся чаще временных. Действие, как правило, развивается в ограниченном пространстве, границы которого определяются в начале истории и не меняются на протяжении всего повествования. Конкретные локальные показатели создают впечатление реальности происходящего: in der Türkei, in Paris, in der grossen Stadt London, in Falun in Schweden. В свою очередь, многочисленные неопределенно-обобщенные локальные показатели создают двойственное ощущение знакомого неизвестного места действия и способствуют реализации дидактической функции «календарной истории»: In einer ziemlich grossen Stadt, in einem unscheinbaren Dörfchen am Rhein.

Преобладание в календарных историях И.П. Хебеля семантически «размытых» темпоральных и локальных показателей может свидетельствовать о том, что топографическая и историческая точность (за исключением календарных историй хроникального типа) не играет основной роли в создании повествовательной перспективы календарной истории. Значительно больше автора-рассказчика интересуют (обобщенные) «типы» главных действующих лиц: ein Büblein, ein Husar, ein Bauer, ein Rekrut, ein Unteroffizier, zwei Besenbinder, zwei gute Freunde, zwei Eheleute. Поэтому одновременно с представлением главных героев писателем нередко приводится их краткая и точная характеристика. При этом указывается только на качества, которые имеют значение для дальнейшего развития сюжета и, как правило, остаются неизменными на протяжении всего произведения: ein geiziger Mann; ein einfältiger Mensch; ein kunstreicher Instrumentenmacher, aber ein eingebildeter und unfeiner Mann.

Наивысшего расцвета повествовательное мастерство И.П. Хебеля достигает в т. н. «полных кратких экспозициях». Во введениях, построенных по типу газетной заметки, первоначальные данные о событии сообщаются предельно лаконично и точно, но с называнием времени, места и участников нарративного действия. Отказ от пространственных описаний внешнего мира и исчерпывающих характеристик действующих лиц позволяет

автору мгновенно переключать внимание читателя на «игру актеров» и переходить к завязке центрального события: Im August des Jahrs 1804 stand in der Stadt Anklam in Pommern ein reisender Handwerksbursche an einer Stubentüre und bat um einen Zehrpfennig ganz fleissig (Hebel Der fechtende...).

Создание фона события в таких случаях строится по примеру классического варианта прямой экспозиции с сохранением хронологической последовательности описываемых событий. В качестве одного из исключений можно рассмотреть календарную историю Eine sonderbare Wirtszeche («Необычный счет»), в которой точные данные о месте и времени действия приводятся автором в финале и служат не столько для сохранения интриги, как в детективных произведениях, сколько для создания впечатления реальности истории, действия которой разворачивались в конкретное время в конкретном месте: Dies ist geschehen im Jahr 1805 am 17. April im Wirtshause zu Segringen (Hebel 2010, S. 116).

Нередко прямой экспозиции предшествуют начальные авторские ремарки, которые принадлежат к излюбленным композиционно-стилистическим приемам И.П. Хебеля и содержат аддитивную содержательно-фактуальную информацию [Гальперин 2006, с. 27–28] относительно времени и места действия, социального портрета действующих лиц. Так, например, в календарной истории Der Wasserträger («Водонос») вступительной части произведения предшествует авторское отступление, из которого читатель узнает о причинах существования профессии «водонос» в Париже, а в истории Der listige Quäker («Хитрый квакер») – о квакерах – последователях протестантского религиозного движения в Англии, их законах и правилах поведения:

1) In Paris holt man das Wasser nicht am Brunnen. Wie dort alles ins Grosse getrieben wird, so schöpft man auch das Wasser ohmweise in dem Strom, der hindurch fleusst, in der Seine, und hat eigene Wasserträger, arme Leute, die jahraus, jahrein das Wasser in die Häuser bringen und davon leben. Denn man müste viel Brunnen graben für fünfmalhunderttausend Menschen in einer Stadt, ohne das unvernünftige Vieh. Auch hat das Erdreich dort kein ander trinkbares Wasser; solches ist auch eine Ursache, dass man keine Brunnen gräbt. Zwei solche Wasserträger ... (Hebel Der Wasserträger);

2) Die Quäker sind eine Sekte, zum Exempel in England, fromme, friedliche und verständige Leute, wie hierzuland die Wiedertäufer ungefähr, und dürfen vieles nicht tun nach ihren Gesetzen: nicht schwören, nicht das Gewehr tragen, vor niemand den Hut abziehen, aber reiten dürfen sie, wenn sie Pferde haben. Als einer von ihnen... (Hebel Der listige Quäker).

Иногда при описании пространственно-временных обстоятельств изображаемых событий уже в начале повествования автор дает читателю подсказку, указывающую, как будут развиваться собы-

тия в конце произведения. В частности, из начальной авторской ремарки календарной истории Der Husar in Neisse («Гусар в Нейсе») читатель узнает, что в 1806 году француз нанес ответный визит гусару в Нейсе, вызванный недостойным поведением солдата в провинции Шампань в ходе военных действий восемнадцатилетней давности: Als vor achtzehn Jahren die Preußen mit den Franzosen Krieg führten und durch die Provinz Champagne zogen, dachten sie auch nicht daran, dass sich das Blättlein wenden könnte, und dass der Franzos noch im Jahr 1806 nach Preußen kommen und den ungebetenen Besuch wettmachen werde. Denn nicht jeder führte sich auf, wie es einem braven Soldaten in Feindesland wohl ansteht. Unter andern drang damals ein brauner preußischer Husar... (Hebel 2010, S. 167).

В ряде случаев отсылка читателя к финалу произведения не ограничивается предвосхищением его повествовательного исхода, принимая форму морально-нравственного наставления. Вступая в нравоучительный диалог с читателем, И.П. Хебель формулирует мораль календарной истории в самом начале, а затем последовательно и наглядно доказывает ее в ходе дальнейшего развития сюжета. Основной нравственный тезис может иметь лаконичную форму пословицы (1), совета для практического применения (2), в некоторых случаях – быть незначительно развернут (3) или приобретать вид пространного рассуждения на нравственную тему (4):

1) Wie man in den Wald schreit, so schreit es wieder heraus. Ein Spaßvogel wollte... (Hebel 2010, S. 114);

2) Man muss mit Wirten keinen Spaß und Mutwillen treiben, sonst kommt man unversehens an den Unrechten. Einer in Basel... (Hebel 2010, S. 269);

3) Nie muss sich einer über fremdes Unglück freuen, weil es ihm Nutzen bringt, sonst kommt die Zeit, es freuen sich andere wieder. In einigen Gegenden hat man das Sprichwort, wenn man sagen will, dass man einen Gewinn oder Vorteil zu hoffen habe – sagt man: «Mein Weizen blüht». Als daher der Chirurgus und ein Zimmermann ... (Hebel Die Weizenblüte);

4) Es ist nichts lehrreicher als die Aufmerksamkeit, wie in dem menschlichen Leben alles zusammenhängt, wenn man es zu entdecken vermag, z. B. Zahnschmerzen und das Glück eines Ehepaars, und wie selbst das, was unrecht und verboten ist, wieder gutgemacht werden kann, wenn's an den rechten Mann oder an die rechte Frau kommt, und wie in dem grossen, unaufhörlichen Wechsel der Dinge alles einzelne wieder schwimmt, dass man ihm nimmer nachkommt, und doch getan bleibt und nicht verloren geht, es sei gut oder bö. Gleich als wenn man ein Glas Wasser in den Rhein ausgiesst, kein Sterblicher ist imstand, es wieder herauszuschöpfen, sondern es ist jetzt dem Rhein vermählt und augenblicklich verschwemmt in der grossen Flut. Ja, wenn die Sonne Wasser aufzieht, wie man zu sagen pflegt, sind ein paar Tröpflein davon vielleicht auch dabei und fallen irgendwo, in Bayern

oder Lothringen, wieder aus einer Wasserwolke vom Himmel herab und erquicken ein Blümlein (Hebel Einer Edelfrau...).

В календарных историях без аддитивной авторской ремарки и развернутой нарративной экспозиции в первых предложениях текста определяется направление сюжетной линии, обозначается обсуждаемая нравственная проблема и завязывается главный сюжетный конфликт. Автор ограничивается краткими исходными данными, которые сообщаются читателю уже в контексте развития самого действия (как, например, в истории *Denkwürdigkeiten aus dem Morgenlande* («Записки с Ближнего Востока»), рассмотренной в начале статьи) или – характерного для данного типа текста – изображения диалога между персонажами: *Ein Büblein klagte seiner Mutter: Der Vater hat mir eine Ohrfeige gegeben. Der Vater aber kam dazu und sagte: Lügst du wieder? Willst du noch eine?* (Hebel *Die Ohrfeige*).

Примечательно, что прямая речь в календарных историях может составлять до трети текста и служить для создания речевого портрета персонажей, эмоционально-экспрессивного «оживления» повествования, а также развития идейно-тематического и фабульного содержания. В вышеприведенном примере прямая речь, вводимая авторскими словами, поясняет, в каком эмоциональном состоянии находится ребенок: он жалуется (*klagen*). Подобный синтез повествовательного и драматического способов изображения события обеспечивает непосредственное развитие нарративно-художественной ситуации на глазах у читателя.

Диалогический характер «календарной истории» может реализовываться не только через прямую речь персонажей, но и в диалоге рассказчика с читателем. Подавляющее большинство «календарных историй» И.П. Хебеля рассказаны аукториальным повествователем, в редких случаях – персонифицированным рассказчиком (*Der Herr Graf*). Иногда в начале истории (1), чаще в финале произведения (2) и неоднократно по ходу развития сюжета (3, 4, 5) писатель напрямую обращается к «благосклонному читателю» (нем. *Der geneigte Leser*), приглашая его формами императива к сотрудничеству, позволяя ему (посредством форм конъюнктива) предположить новый поворот сюжета, разгадать финал истории или определить ее продолжение:

1) *Es wird in Zukunft bisweilen von einem Adjunkt die Rede sein, was der geneigte Leser nicht verstehen könnte, wenn es ihm nicht erklärt würde* (Hebel 2010, S. 32);

2) *Der geneigte Leser darf an der Wahrheit dieser Erzählung nicht zweifeln, ...* (Hebel *Die lachenden Jungfrauen*);

3) *Der geneigte Leser gebe acht!* (Hebel *Der schlaue Mann*);

4) *Lieber Leser, denke nicht...* (Hebel *Der fechtende...*);

5) *Der Leser merkt etwas. «Was gilt's», denkt er, «es fuhr ein Rad vom Wagen?» Es kommt dem Hausfreund auch nicht darauf an. Eigentlich aber, und die Wahrheit zu sagen, brach die hintere Achse* (Hebel *Der verachtete Rat*).

Постоянное вовлечение в дружественный диалог обеспечивает активное взаимодействие автора с читателем, свидетельствуя о лирической составляющей календарных историй. Однако даже в имитированной беседе с читателем «всезнающий» рассказчик с неограниченной перспективой никогда не выпускает повествовательную нить из своих рук. Его оценочное отношение к действиям отдельного персонажа или всей истории в целом активно выражается в авторских комментариях в форме рассуждений и размышлений, размещенных в конечной позиции текста, и служит главным образом для реализации назидательно-дидактической функции «календарной истории».

В целом, в календарных историях И.П. Хебеля можно выделить три типа конечной позиции текста: 1) высказывание – композиционно-смысловая пуанта (без классической нарративной развязки художественного действия); 2) экспликация развязки после пуанты и 3) заключительная авторская морализаторская ремарка.

Первый, самый многочисленный тип конечной позиции текста представлен в календарных историях открытым финалом. В них автор не дает однозначного ответа на вопрос о дальнейшей судьбе главных героев, обрывает историю в самый напряженный момент произведения. Чаще пуанта заключена в остроумной реплике героя без последующего разъяснения автором (1), реже – в авторской речи (2):

1) *Da trat der Kammerdiener ein paar Schritte gegen die Stubentüre zurück und sagte: «Verzeiht mir meinen Irrtum, ich hab's etwas höher angeschlagen, sonst hätt' ich nicht so viel herausgebracht»* (Hebel 2010, S. 226);

2) *In Heidelberg aber entrichtete er sechs Kreuzer Fährgeld – für die Erlaubnis mit zu ziehen und nahm das Felleisen wieder in Empfang* (Hebel *Bequeme Schifffahrt...*).

В ряде случаев прием открытого финала позволяет автору со временем вернуться к своим героям. Как следует из анализа серии календарных историй о хитрых и ловких Цундельфридере и Цундельхейнере, шесть рассказов имеют открытый финал, и лишь в двух историях автор оставляет последнее предложение причину необычного поведения Фридера: *Denn eifersüchtig ist er* (Hebel *List gegen List*) – или заверяя читателя в неправдоподобности описываемых событий: *So etwas könnte hierzuland nicht passieren* (Hebel *Wie sich der Zundelfrieder...*). Среди плутовских рассказов с открытым финалом одна история оканчивается прямой речью второго главного героя – Хейнера, содержащей эксплицитный намек на продолжение:

Also wurde auch der Frieder wieder ehrlich. Aber der Heiner sagte: Ich geb's noch nicht auf (Hebel 2010, S. 216). Остальные пять историй резко обрываются без дополнительных замечаний со стороны автора: в последнем предложении герои, как актеры в финале спектакля, просто уходят со сцены: Als er aber eine Viertelstunde nach Betzeit nach Brassenheim und an die Mühle kam... stieg er vor der Mühle ab, band dem Müller den Schimmel wieder an der Haustüre an und setzte seinen Weg zu Fuß fort (Hebel 2010, S. 233).

В отличие от рассказов с вариативной заключительной частью, в календарных историях с закрытым финалом сюжета И.П. Хебелем используется второй тип конечной позиции текста – экспликация развязки после пуанты, т. е. за пуантой следуют короткие авторские заметки о дальнейшей судьбе главных героев (как правило, без смен персональности повествования, но с привычной заменой претеритальной формы на перфект, презенс или футурум):

1) Wirklich hat er auch die Tochter derselben bereits ehrenvoll versorgt, und der Sohn wird auf kaiserliche Kosten in der nämlichen Schule erzogen, aus welcher der große Held selber ausgegangen ist (Hebel 2010, S. 183);

2) Aber der reiche Fremdling sagte: «Herr Doktor, Ihr seid ein feiner Kauz, und ich versteh Euch wohl!», und hat nachher dem Rat gefolgt und siebenundachtzig Jahre, vier Monate, zehn Tage gelebt, wie ein Fisch im Wasser so gesund, und hat alle Neujahr dem Arzt zwanzig Dublonen zum Gruß geschickt (Hebel 2010, S. 214).

В ряде случаев в финале календарных историй наряду с повествовательными результатами или вместо них автор высказывает нравственно-оценочное суждение. Часто такие авторские высказывания вводятся наречиями also, so или союзами auch и aber (употребляется не как противительный союз, а в интересах повествования):

1) Der geneigte Leser aber darf schon ein wenig Respekt haben vor einem solchen Nachbar und noch mehr vor einem solchen Herrn Nachbar (Hebel König Friedrich...);

2) Also hat dem Mann ein lächerlicher Zufall wieder auf die Spur geholfen, von welcher er war abgeleitet worden durch den Mutwillen (Hebel Der Herr Wunderlich).

Оценочные высказывания автора могут приобретать характер ярко выраженной идиоматичной или индивидуально-авторской сентенции. Заключительная авторская морализаторская ремарка (третий тип конечной позиции текста) отличается особой формой зачина. Чаще всего обращение автора к читателю начинаются со слов Merke: (19 раз) или Item (7 раз), реже встречаются иные формы: Daraus ist (also) zu lernen: (2 раза), Summa Summarum:, Dies lehrt..., Lerne:, Was lernen wir daraus?, Daraus kann man lernen:, Der geneigte Leser wird ersucht, hieraus abzunehmen:, Der geneigte

Leser wolle hieran gelegentlich erkennen..., Weißt du was?, Drum hüte dich....

С точки зрения автономности нравственного содержания (связи морали с историей) авторские ремарки в календарных историях И.П. Хебеля условно можно разделить на три типа [Rohner 1978, S. 235–237]: ремарки как заключительный акт календарной истории; ремарки как общий совет для практического применения; ремарки как пространное рассуждение на морально-нравственную тему.

Авторские ремарки первого типа отличаются наименьшей автономностью и полностью перекрываются историей: мораль истории демонстрируется ненавязчиво – путем обращения к главным героям или описываемым событиям (ретроспектива):

1) Merke: Der König von Preussen hat sich in diesem Stücke klüger betragen als der Herr Amtsschreiber von Brassenheim (Hebel Die Schmachtschrift);

2) Merke: Man ist nie geneigter Unrecht zu tun, als wenn man Unrecht hat. Recht ist gut beweisen. Aber für das Unrecht braucht man schon Ohrfeigen und Drohungen zum Beweistum (Hebel Der Vater und der Sohn).

За формулировкой морали в ремарках данного типа может следовать лаконичное изложение дальнейшей судьбы главных героев после фактического окончания сюжетного повествования (по типу эпилога): Merke: Man muss die Heilige Schrift nicht auslegen, wenn man's nicht versteht, am allerwenigsten so. Denn der Edelmann ließ den Bauern noch selbige Nacht in den Turn sperren auf sechs Tage, und dem Herrn Schulmeister, der mehr Verstand und Respekt vor der Bibel hätte haben sollen, gab er, als die Winterschule ein Ende hatte, den Abschied (Hebel 2010, S. 228–229).

В отличие от рассмотренных выше авторских замечаний, ремарки второго типа, образующие наиболее многочисленную группу в календарных историях И.П. Хебеля, не предполагают, что читатель сделает вывод самостоятельно, представляя собой полноценные поучения от автора. Мораль формулируется по типу научного тезиса и носит обобщающий характер: меткие, образные изречения синтезируют описываемые в историях события и формулируют общие принципы, которыми человеку следует руководствоваться в своих поступках. В отдельных случаях автором используется при этом форма повелительного наклонения.

В тексте мораль истории может сопровождаться сменой временной формы (претерит → перфект или презенс) и изменением характера персональности повествования (переход от формы 3-го лица к неопределенно-личному местоимению man), а также нулевым локальным показателем и эксплицитным обращением к читателю (в форме императива). Мораль, близкая по форме и характеру к пословице, отличается аналогичной сменой времени и характера персональности повествования,

нулевым локальным показателем, но при этом обращение к читателю носит уже имплицитный характер:

1) Merke: So etwas passiert einem Staren selten. Aber schon mancher junge Mensch, der auch lieber herumflankieren als daheim bleiben wollte, ist ebenfalls par compagne in die Schlinge geraten und nimmer herauskommen (Hebel 2010, S. 223);

2) Merke: Wer sich zu fünf Schlägen hergibt um Gewinns willen, der verdient, dass er vier bekommt ohne Gewinn. Man muss sich nie um Gewinns willen freiwillig misshandeln lassen (Hebel Wie einmal ein schönes Ross...);

3) Was lernen wir daraus? – Ehre Vater und Mutter, auf dass es dir wohlgehe! (Hebel 2010, S. 48).

4) (Drum hüte dich; nicht das Gewand macht den Pilgrim, sondern der fromme Sinn, und eine Sünde ist es, dasselbe zu missbrauchen) (Hebel Der schlaue Pilgrim);

5) Merke: Fremdes Gut frisst das eigene, wie neuer Schnee den alten (Hebel, S. 276).

Как видно из примеров, для календарных историй И.П. Хебеля типичны одиночные ремарки второго типа, состоящие из одного, реже нескольких предложений. Двойные замечания в Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes («Сокровищница Рейнского друга дома») представляют собой исключения. В подобных исключениях в первой части авторской ремарки прослеживается связь с историей, а во второй – приводится умозаключение по типу пословицы/сентенции:

1) Merke: Man muss keine silbernen Löffel stehen. Merke: Das Recht findet seinen Knecht (Hebel 2010, S. 207);

2) Merke: Man muss in der Fremde nichts tun, worüber man sich daheim nicht darf finden lassen. Merke: Es gibt Untaten, über welche kein Gras wächst (Hebel 2010, S. 169).

Авторские ремарки третьего типа представляют собой не краткие производные советы для практического применения, а пространные размышления сентенциального характера без привязки к самой истории. Из всех типов авторских замечаний они отличаются наибольшей композиционно-структурной автономностью, начинаются, как правило, со слов Man muss..., Du sollst..., выражая пространные нравственные суждения, резюмирующие смысл ранее рассказанной конкретной истории: Merke: du sollst nicht über die Religion grübeln und düffeln, damit du nicht deines Glaubens Kraft verlierst. Auch sollst du nicht mit Andersdenkenden darüber disputieren, am wenigsten mit solchen, die es ebensowenig verstehen als du, noch weniger mit Gelehrten, denn die besiegen dich durch ihre Gelehrsamkeit und Kunst, nicht durch deine Überzeugung. Sondern du sollst deines Glaubens leben und, was gerade ist, nicht krumm machen. Es sei dann, dass dich dein Gewissen selber treibt zu schanschieren (Hebel 2010, S. 267).

Значительная роль в реализации назидательно-дидактического текстового смысла «календарной

истории» принадлежит, как отмечалось выше, ее главным и второстепенным персонажам. Так, в календарных историях И.П. Хебеля действуют представители разных сословий, достатка и ума: султан (Der kluge Sultan), император (Kaiser Napoleon und die Obstfrau in Brienne), король (König Friedrichs Leibhusar, König Friedrich und sein Nachbar) и королева (Das Vivat der Königin); придворный шут (Der verwegene Hofnarr), подмастерье (Der fechtende Handwerksbursche in Anklam), нищий (Der sinnreiche Bettler), странник (Der schlaue Pilgrim). Однако несмотря на то, что в «календарной истории» объединились персонажи сразу двух малых эпических жанров – шванка (известные реальные и выдуманные носители человеческих пороков) и исторического анекдота (известные исторические личности), наиболее востребованным литературным героем данного типа текста остается собирательный образ маленького человека (нем. der geringe Mann) – представителя низшего сословия, в жизни которого случаются забавные и необычные ситуации поучительного характера.

Заключение

Таким образом, в результате сквозного анализа текстов календарных историй И.П. Хебеля установлено, что для «календарной истории» как особого типа этнокультурного немецкого текста характерны сюжетность, событийность, акциональность и временная последовательность событий и действий, что позволяет отнести ее к литературно-художественному нарративу. Лаконичность повествовательной формы, объясняемая исторической включенностью подобных текстов в «народные календари» (нем. Volkskalender), позволяет причислить их к малым эпическим жанрам, обладающим четкой структурной и композиционно-смысловой организацией текстового целого.

В композиционно-сюжетном построении календарных историй «сильные позиции» текста – заглавие, начало и конец – имеют ряд прототипических функциональных и лингвистических черт. В заглавии преобладает информация об основном виде деятельности главного героя, характере события и месте его действия. Типичная лексико-семантическая схема заголовка: «определенный артикль – прилагательное – существительное». Композиционно-смысловое оформление начальных позиций текста представлено 1) экспозицией, 2) авторской ремаркой и 3) завязкой. Функцию сценического сюжетодвижения выполняет прямая речь действующих лиц, которая может составлять до трети текста. Активное взаимодействие автора с читателем на протяжении всего повествования свидетельствует о диалогическом характере календарных историй, их лирической составляющей. Конечная позиция текста может строиться на: 1) пуанте, 2) развязке после пуанты и 3) заключительной авторской морализаторской ремарке как заключительном акте «кален-

дарной истории», общем совете для практического применения либо пространном рассуждении на морально-нравственную тему. В рамках художественного повествования назидательный характер календарных историй помогают реализовать различные персонажи – типичные представители самых разных сословий, достатка и ума, наиболее значимым из которых является собирательный образ «маленького человека», близкого и понятного массовому читателю.

В целом текст календарных историй обладает следующими типологическими характеристиками, принадлежа к малым эпическим текстам формам сентенционального характера: строгой композиционно-архитектонической организацией текстового целого с характерной формой зачина и концовки, диалогической открытостью текстовой структуры и эксплицитным присутствием в ней читателя, использованием прямой речи персонажей в функции сюжеторазвития и формулирования (назидательно-дидактической) пуанты текста, синтезом эпического, драматического и лирического элементов в текстовой композиции, доминированием типового литературно-художественного образа «маленького человека» над другими персонажами.

Источники фактического материала

Hebel 2010 – *Hebel J.P.* Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes. Kritische Gesamtausgabe mit den Kalender-Holzschnitten / Hrsg. von Winfried Theiss. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co., 2010. 458 S.

Hebel Bequeme Schifffahrt... – *Hebel J.P.* Bequeme Schifffahrt, wer's dafür halten will // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap019.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Der fechtende... – *Hebel J.P.* Der fechtende Handwerksbursche in Anklam // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap040.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Der Herr Wunderlich – *Hebel J.P.* Der Herr Wunderlich // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap183.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Der listige Quäker – *Hebel J.P.* Der listige Quäker // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap118.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Der schlaue Mann – *Hebel J.P.* Der schlaue Mann // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap138.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Der schlaue Pilgrim – *Hebel J.P.* Der schlaue Pilgrim // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap115.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Der Wasserträger – *Hebel J.P.* Der Wasserträger // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap176.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Der Vater und der Sohn – *Hebel J.P.* Der Vater und der Sohn // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap169.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Der verachtete Rat – *Hebel J.P.* Der verachtete Rat // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap170.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Die lachenden Jungfrauen – *Hebel J.P.* Die lachenden Jungfrauen // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap081.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Die Ohrfeige – *Hebel J.P.* Die Ohrfeige // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap111.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Die Schmachschrift – *Hebel J.P.* Die Schmachschrift // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap142.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Die Weizenblüte – *Hebel J.P.* Die Weizenblüte // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap178.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Eine seltsame... – *Hebel J.P.* Eine seltsame, jedoch wahrhafte Geschichte // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap150.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Einer Edelfrau... – *Hebel J.P.* Einer Edelfrau schlaflose Nacht // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap034.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel König Friedrich... – *Hebel J.P.* König Friedrich und sein Nachbar // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap108.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel List gegen List – *Hebel J.P.* List gegen List // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap098.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Wie einmal ein schönes Ross... – *Hebel J.P.* Wie einmal ein schönes Ross um fünf Prügel feil gewesen ist // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap132.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Hebel Wie sich der Zundelfrieder... – *Hebel J.P.* Wie sich der Zundelfrieder hat beritten gemacht // Projekt Gutenberg-DE. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/hebel/hausfreu/chap189.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Библиографический список

Kilchenmann 1970 – *Kilchenmann R.J.* Rezept für die bösen Weiber: Kalendergeschichten von Grimmlshausen bis Brecht. Wuppertal-Barmen: P. Hammer Verlag, 1970. 208 S.

Knopf 1983 – *Knopf J.* Die deutsche Kalendergeschichte. Ein Arbeitsbuch von Jan Knopf. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1983. 290 S.

Rohner 1978 – *Rohner L.* Kalendergeschichte und Kalender. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1978. 552 S.

- Андреева 2019 – *Андреева В.А.* Литературный нарратив: зона формирования смыслов. Казань: Бук, 2019. 320 с.
- Брандес 2004 – *Брандес М.П.* Стилистика текста. Москва: Прогресс-Традиция, ИНФРА-М, 2004. 416 с.
- Гальперин 2006 – *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Москва: КомКнига, 2006. 144 с.
- Гончарова, Шишкина 2005 – *Гончарова Е.А., Шишкина И.П.* Интерпретация текста. Немецкий язык. Москва: Высшая школа, 2005. 365 с.
- Небеснюк 2019 – *Небеснюк У.А.* История развития календаря как кумулятивного текста массовой информации в этнокультуре Германии // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2019. Т. 29, Вып. 6. С. 976–981. DOI: <http://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-6-976-981>.
- Шмид 2003 – *Шмид В.* Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- Knopf 1983 – *Knopf J.* (1983) Die deutsche Kalendergeschichte. Ein Arbeitsbuch von Jan Knopf. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 290 S.
- Rohner 1978 – *Rohner L.* (1978) Kalendergeschichte und Kalender. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 552 S.
- Andreeva 2019 – *Andreeva V.A.* (2019) Literary narrative: area of formulation of meanings. Kazan: Buk, 320 p. (In Russ.)
- Brandes 2004 – *Brandes M.P.* (2004) Text stylistics. Moscow: Progress-Traditsiia, INFRA-M, 416 p. (In Russ.)
- Galpein 2006 – *Galperin I.R.* (2006) Text as an object of linguistic research. Moscow: KomKniga, 144 p. (In Russ.)
- Goncharova, Shishkina 2005 – *Goncharova E.A., Shishkina I.P.* (2005) Text interpretation. German language. Moscow: Vysshaia shkola, 365 p. (In Russ.)
- Nebesnyuk 2019 – *Nebesnyuk U.A.* (2019) The history of a calendar as a cumulative text of mass media in the ethnic culture of Germany. Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series, vol. 29, no. 6, pp. 976–981. DOI: <http://doi.org/10.35634/2412-9534-2019-29-6-976-981>. (In Russ.)
- Shmid 2003 – *Shmid V.* (2003) Narratology. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 312 p. (In Russ.)

References

Kilchenmann 1970 – *Kilchenmann R.J.* (1970) Rezept für die bösen Weiber: Kalendergeschichten von Grimmshausen bis Brecht. Wuppertal-Barmen: P. Hammer Verlag, 208 S.